

Французская кукла

Дорогая Асако, большое спасибо за то, что пришли на мою свадьбу.

Честно говоря, во время церемонии я все время волновалась, что толпа моих родственников, приехавших из маленького городка, сразу напомнит все, что там когда-то случилось, и расстроит вас. Кажется, они сами не понимают, какое впечатление иногда производят на людей.

Кристально чистый воздух — единственное, чем они могут похвастаться. Я впервые это поняла, когда семь лет назад, после окончания школы, уехала учиться в женский колледж в Токио и четыре года прожила там в общежитии. Мои родители были категорически против того, чтобы я училась в столице. «Тамошняя

грязная жизнь может втянуть тебя в проституцию, — уверяли они. — И что тогда? Что ты будешь делать, если подсядешь на наркотики? Тебя могут и убить...»

Вы выросли в городе, Асако, и наверняка посмеетесь, когда это прочитаете, удивитесь, — как такое могло прийти им в голову?

— Вы слишком часто смотрите «24 Сити», — пыталась бороться я, вспоминая любимое телевизионное шоу родителей. Но, по правде говоря, мне и самой нередко представлялось нечто в этом роде. Тем не менее я очень сильно хотела уехать в столицу.

— Что такого особенного в Токио? — возражал отец. — В нашей префектуре тоже есть колледжи, предлагающие обучение по специальности, которая тебя интересует. Если тебе не хочется каждый день ездить, можно снять квартиру рядом с колледжем, здесь они дешевле. А если что вдруг случится, ты всегда сможешь приехать домой. Всем будет спокойнее.

— Будет спокойнее? Шутишь? Ты же прекрасно знаешь, в каком страхе я прожила здесь последние восемь лет.

Как только я это сказала, они перестали мне возражать. Разрешили уехать в Токио, но при

одном условии: я должна жить в общежитии, а не одна в съемной квартире. Я согласилась.

До этого я ни разу не была в Токио, и он мне показался абсолютно другим миром. Когда я впервые вышла из синкансэн¹, на вокзале было полно народа — сплошная толпа, насколько хватает глаз. Возможно, там было больше людей, чем во всем нашем городке. Самое удивительное, что все каким-то чудом передвигались, не задевая друг друга. Пока я добиралась до нужного места, останавливаясь и проверяя, правильно ли иду к метро, я ни разу ни с кем не столкнулась.

Удивилась я и когда попала в метро. Пассажиры практически не разговаривали между собой, даже те, кто вместе сел в вагон. Изредка раздавался смех или долетали обрывки разговоров, но обычно это были иностранцы, а не японцы.

В младших классах я ходила в школу пешком; повзрослев, добиралась на велосипеде. На поезде же ездила всего пару раз в год, когда мы с подругами или с семьей отправлялись в соседний город — в универмаг или торговый центр.

¹ «Синкансэн» — высокоскоростная сеть железных дорог в Японии и общее название поездов, передвигающихся по таким дорогам.

И в течение всего часа в поезде мы болтали без умолку. Что надо купить? В следующем месяце у них дни рождения, надо им что-то подарить. Где пообедаем? Пойдем в «Макдоналдс» или в «Кей-эф-си»?.. Болтали в пути не только мы. В поезде было много людей, и все они разговаривали и смеялись, никто не возражал, поэтому я и считала, что так себя вести нормально.

Неожиданно мне пришло в голову, что токийские жители не замечают своего окружения. Люди вокруг их не интересуют. Пока сидящий рядом человек ничем их не беспокоит, им на него вообще наплевать. Совсем неинтересно, как называется книга, которую читает кто-то напротив тебя. Даже если прямо перед тобой стоит человек с дорогой дизайнерской сумкой, никто не обращает на него ни малейшего внимания.

Как только я это поняла, сразу перестала плакать. «Люди могут подумать, что я скучаю по родному городу, — думала я, — провинциалка с огромной сумкой, сидит там и ревет...» Мне стало неловко; я вытерла слезы, беспокойно посмотрела по сторонам, но ни один человек даже не взглянул на меня.

Вот тогда я и поняла: Токио гораздо прекраснее, чем я его представляла. Я приехала

сюда не ради дорогих магазинов и престижных развлечений, а для того, чтобы раствориться в толпе людей, которые ничего не знают о моем прошлом, и исчезнуть.

Если говорить точнее, я очень хотела исчезнуть навсегда, потому что в прошлом я стала свидетелем убийства, и человек, его совершивший, до сих пор гулял на свободе...

В общежитии нас в комнате было четверо, все из далеких от столицы сельских мест. В первый день каждый хвастался своим родным городом. «У нас самая вкусная лапша удон», — говорил кто-то. «У нас отличные горячие источники», — важничал другой. «Дом моих родителей рядом с домом знаменитого игрока в бейсбол из высшей лиги», — не уступал третий... Что-то вроде этого. Еще три девочки были из маленьких городков, но по крайней мере я слышала раньше эти названия.

Когда же я назвала им свой, никто не мог даже сообразить, в какой префектуре он находится.

— Что это за место? Что там у вас есть? — спрашивали они, и я ответила:

— Там кристально чистый воздух.

Я знаю, Асако, вы бы точно поняли, что я это сказала не потому, что больше гордиться нечем.

Я родилась в сельской местности и дышала каждый день, не задумываясь ни на минуту о том, какой там воздух. Впервые я об этом услышала, когда начала учиться в четвертом классе, весной того года, когда произошло убийство.

Однажды наша учительница по обществоведению, госпожа Савада, сказала нам:

— Все вы живете в районе Японии с самым чистым воздухом. Знаете, почему я вам это говорю? Точные инструменты, которые используют в больницах и исследованиях, должны производиться в очень чистой среде. Поэтому производства открывают только в местах с очень чистым воздухом. А в этом году компания «Адачи маньюфэкчуринг» построила здесь новый завод. И то, что производитель самого точного оборудования в Японии решил построить завод именно здесь, говорит о том, что тут самый чистый воздух во всей стране. Поэтому вы должны гордиться тем, что живете в этом замечательном городе.

После урока мы спросили Эмили, правда ли то, что сказала учительница.

— Папа сказал то же самое, — ответила она.

Таким образом, вопрос был решен. Раз Эмили подтвердила, значит, в нашем городе и в са-

мом деле чистейший воздух. Мы безоговорочно поверили ее отцу не потому, что он, человек свирепого вида с тяжелым взглядом, занимал в этой компании какое-то высокое положение, а потому, что он был из Токио.

В то время в нашем городе не было ни одного минимаркета, но мы не придавали этому никакого значения. Мы принимали жизнь такой, какой она была. По телевизору мы видели рекламу куклы Барби, но сами никогда не держали ее в руках. Для нас куда более ценными были модные французские куклы, которые местные жители с гордостью выставляли в своих гостиных.

Однако после появления нового завода у нас возникло странное непривычное ощущение. Из-за Эмили и других учеников, приехавших из Токио, наш образ жизни, представлявшийся нам до сих пор абсолютно нормальным, стал казаться неуклюжим и отсталым.

Все, связанное с приезжими, не было похоже на то, к чему мы привыкли, начиная с того, где они жили. После начала работы компании «Адачи маньюфэкчуринг» в городе она построила жилой дом для своих сотрудников, первое в местной истории здание выше пяти этажей.

Его старались создать в гармонии с окружающей средой, но для нас оно выглядело как замок на каком-то отдаленном острове.

Однажды Эмили пригласила девочек из класса, живших в западном районе города, где и стояло это новое здание, к себе домой. Ее квартира находилась на последнем, седьмом этаже. Я так волновалась накануне этого похода, что ночью практически не спала.

Приглашение получили четверо — я, Маки, Юка и Акико; все давнишние подружки, мы выросли в одном районе.

Как только мы вошли в квартиру Эмили, нам показалось, что мы попали в другую страну. Первым откровением стала открытая планировка. Мы тогда и понятия не имели о совмещении гостиной с кухней — огромное общее пространство нас поразило. Можно было смотреть телевизор, готовить и есть в одной комнате, разделяющих стен не было.

Нас угостили английским чаем; его подали в чашках, которые нам, детям, категорически не разрешалось трогать дома. Чайник имел такой же рисунок, что и чашки, а на таких же тарелочках лежали пирожные с невиданными фруктами. Я узнала только клубнику. В полном

восхищении я наелась ими, чувствуя при этом, будто что-то не так.

После чая мы решили поиграть в кукол, и Эмили принесла из своей комнаты Барби в пластиковом футляре в виде сердца. Сама кукла была одета точно так, как Эмили в тот день.

— В Сибуе¹ есть магазин, где можно купить точно такую же одежду, как у Барби. Родители подарили мне ее на прошлый день рождения. Да, мама?

Единственное, о чем я в тот момент мечтала, — как бы поскорее выбраться оттуда.

Именно тогда кто-то из девочек сказал:

— Эмили, а можешь показать нам вашу французскую куклу?

— Что это такое? — Она смотрела на нас непонимающим взглядом.

У Эмили такой куклы не было. Она даже не поняла, о чем речь. Я вышла из состояния смущения и воспрянула духом. Естественно, что Эмили ничего не знала о французских куклах. В нашем городе они были традиционным символом статуса.

Все наши старые деревянные, построенные в японском стиле дома были похожи. Комната рядом со входом — гостиная — обычно была оформлена в европейском стиле; там обязатель-

¹ Сибуя — район Токио.

но висела люстра и в специальной стеклянной витрине стояла французская кукла. Они находились там по многу лет, а примерно за месяц до приезда Эмили в нашем городе неожиданно появилось новое развлечение — девочки стали ходить по домам, чтобы с восторгом рассматривать разных кукол.

Сначала мы навещали только знакомых, но скоро начали забегать и в дома других людей, живущих неподалеку. Городок маленький, почти всех мы знали в лицо, комнаты с куклами находились рядом со входом, поэтому практически никто не отказывался пускать нас посмотреть.

Вскоре мы начали делать записи, «памятки», как мы их называли, где указывали рейтинг увиденных кукол. Тогда нельзя было так легко фотографировать, как сейчас, поэтому мы зарисовывали кукол цветными карандашами.

В основном рейтинг кукол зависел от их одежды, но мне нравилось разглядывать их лица. Мне казалось, что люди выбирают похожих на себя и они напоминают мать семейства или кого-то из детей.

Эмили сказала, что хочет посмотреть на французских кукол, и мы провели ее по десяти домам, где, с нашей точки зрения, были самые

красивые. После этого она предположила, что остальные дети из ее дома тоже раньше никогда не видели ничего подобного, поэтому пригласила еще несколько человек, и мы все вместе обошли разные дома. Мы даже не знали, из каких они классов и как их зовут. Почему-то несколько мальчишек тоже оказались в этой компании.

Хозяин первого дома, в который мы зашли, спросил:

— Значит, у вас тур под названием «Французские куклы»?

Нам так понравились эти слова, что мы в тот день так и окрестили наш выход — «тур французских кукол».

Кукла в моем доме занимала второе место в общем списке. Вырез ее розового платья и подол были обшиты мягкими белыми перышками, на плечах и на талии красовались довольно крупные темные розы. Но больше всего мне нравилось, что ее лицо было похоже на мое. Я даже дорисовала ей под правым глазом маркером небольшую родинку, как у меня, что очень огорчило маму. А еще мне нравилось, что невозможно было определить возраст куклы — то ли она взрослая, то ли ребенок.